

Н.В. Бабилунга

**ПРИДНЕСТРОВСКАЯ МОЛДАВСКАЯ РЕСПУБЛИКА:
НЕПРИЗНАННОЕ ГОСУДАРСТВО И ЕГО ИСТОРИОГРАФИЯ**

Как известно, бесконечное переписывание учебников истории, модернизация и политизация освещения исторического прошлого в зависимости от изменения ситуации и политики партийных лидеров в годы господства коммунистической идеологии вели к тому, что Советский Союз во всем мире считали удивительной страной, которая имеет «непредсказуемое прошлое». Насильственный развал СССР не только не положил конец этой постыдной практике, но и придал ей новый мощный импульс. Независимые и суверенные государства, образованные на развалинах советской супердержавы, пережили настоящий бум очередного переделывания исторического прошлого своих народов. Ниспровергнув догмы исторического материализма, вновь создаваемые и заново переписанные в очередной раз истории народов суверенных государств как правило основывались не на достоверных и социально значимых исторических фактах, не на глубоких и разносторонних объективных исследованиях ученых. Чаще всего они готовились торопливо и поверхностно на основе национальных мифов, сказаний, баллад, легенд, народных преданий и даже анекдотов. Политическая заданность и ангажированность калейдоскопа создаваемых национальных историй, не только не приближала их к научной объективности, но отдаляла от нее, пожалуй, даже в большей степени, чем официальную советскую историографию.

Приступая в первые же дни после провозглашения Приднестровской Молдавской Республики (2 сентября 1990 г., т. е. еще до распада СССР) к изучению исторического прошлого этого региона, небольшая группа исследователей считала априори совершенно недопустимым использование истории для решения тех или иных сегодняшних политических проблем. И в то же время основанием для разработки в Приднестровье своей историографии, для ее становления и развития послужили чисто практические насущные

проблемы переживаемого момента, требовавшие незамедлительного разрешения. И прежде всего это касалось системы народного образования.

Дело в том, что Республика Молдова в конце 80-х годов XX в. отказалась от преподавания в школах и вузах курса «История СССР» («История Отечества»). Был запрещен в Молдове также и курс «История Молдавской ССР». Программа данного курса действительно носила на себе отпечаток своего времени, а потому все основные официозные доктрины и «достижения» советской историографии брежневской эпохи получили в ней достойное отражение: «развитой социализм», «созвездие республик-сестер», «неуклонное повышение благосостояния», «новая историческая общность», «развернутое строительство коммунизма» и проч. В то же время многие драматические и трагические страницы истории замалчивались. Так из истории «выпали» голодные послевоенные годы, так называемый «голодомор» с массовой гибелью населения, функционирование сталинской тоталитарной системы, беззакония, депортации людей и т. д.

Однако массивная критика печати сложившейся к тому времени в Молдове историографии привела не к ее перестройке, очистительным изменениям и углубленному изучению истории народа, а к замене одной официозной доктрины другой официозной доктриной. В начале 90-х годов XX в. место некоего эталона, утверждаемого высшими сферами власти и не допускающего никаких сомнений в своей истинности, занял курс «История румын», в котором тезис о принадлежности молдаван к единой румынской нации принят в качестве не требующей доказательств аксиомы и своеобразной системы координат, определившей основные постулаты концептуальной модели новой историографии Молдовы.

Эти постулаты, принимаемые с той же степенью доказательности, что и основная аксиома, сводились, главным образом, к следующим утверждениям: румынская нация сформировалась не в XIX в. с созданием независимого Румынского государства, а в период римской колонизации Балкано-Дунайских земель и сопровождавшей ее романизации варварских племен; вся

история «румын» на протяжении веков и тысячелетий состоит из попыток алчных соседей, главным образом, «восточных варваров» и «славянских кочевников» разорвать «единую румынскую общность» и расчленить ее территории; эта общность, т. е. румынская нация на протяжении своей многотысячелетней истории ведет героическую борьбу за создание в «румынском пространстве» единого великого государства, основы которого были заложены еще в дохристианскую эру и включают территории многих независимых государств Европы, на которых якобы, когда-то проживали «румынские» (т. е. фракийские) племена.

Естественно, что в такой системе координат критерием общественного прогресса, критерием моральной оправданности, прогрессивности, нравственности того или иного исторического факта или исторического деятеля становится то, насколько он способствовал или, наоборот, препятствовал решению объявленной сверхзадачи данной доктрины, – государственному единению всех «румын» и всех румынских территорий» с древнейших времен до наших дней. И столь же естественно, что в этой системе существование молдавского государства, молдавского народа, молдавской культуры и в целом – молдавской истории как таковой во всей ее неповторимости и уникальности рассматривается лишь как досадная ошибка, нарушившая целостность румынского этноса, суверенитет единого румынского государства, существовавшего до 1359 г. не в реальности, а в виде некоего желанного идеала.

Эклектичное соединение в хаотичной мозаике разнородных, независимых и не связанных друг с другом фактов молдавской, валашской, трансильванской и собственно румынской историй, как и назойливое стремление представить всех славян и особенно дореволюционную Россию и СССР в качестве естественного и зловещего врага молдаван (именуемых историографией Молдовы «бессарабскими румынами») так не стали аргументом для доказательства изначального тезиса, заложенного в фундамент «истории румын». Фрагментарность тех или иных явлений истории Румынии и Молдавии, на которых данная концепция акцентирует внимание в ущерб целым эпохам

и важнейшим историческим событиям, исключает даже рассмотрение формационной структуры исторического процесса и ее сдвигов по вертикали, не говоря уж о горизонтальных направлениях эволюции общественных систем в рамках той или иной формации в истории Молдавии.

Может быть поэтому эффективность пропагандистских усилий историографии Молдовы по изменению традиционной этнической идентичности молдаван в последние десятилетия может быть признана весьма и весьма низкой. Как показал референдум «Молдова – наш общий дом», проведенный властями этого государства в 1995 г., а также последняя перепись населения, румынами себя признают лишь несколько процентов населения, – подавляющая часть молдаван в настоящее время как и прежде продолжают идентифицировать себя в качестве самостоятельной нации, отличной от окружающих ее народов, с которыми могут быть существенные сходства в языке, культуре, истории, но имеются и принципиальные различия.

Еще меньший эффект румынизаторские усилия современной историографии Молдовы могли иметь в Приднестровье. Здесь местные молдаване отказались переводить молдавский язык на румынскую графику и подчинять его латинизаторскому «очищению». Молдавский язык в ПМР сохраняет традиционную кириллицу, которой пользовались молдаване на протяжении пяти веков. Молдавский язык является одним из трех равноправных официальных языков ПМР, при том, что молдаване составляют примерно одну треть населения Приднестровья и вместе с украинцами и русскими являются основой полиэтничной общности приднестровского народа. Поэтому отказ Молдовы от преподавания в учебных заведениях истории Молдавии был воспринят населением Приднестровья крайне негативно. Охотников обучать своих детей по программам и учебникам, создаваемым кишиневскими историками, здесь не находилось.

Через полгода после провозглашения государственности ПМР высший законодательный орган республики, ее Верховный Совет принял постановление «О первоочередных мерах по сохранению самобытности молдавского

народа, его языка и культуры». Отмечая, что «в последнее время в СССР Молдовы резко активизировался процесс румынизации молдавского народа» и «проводится антинациональная политика забвения самобытности молдавского народа, его культуры, языка, традиций», Верховный Совет наметил ряд практических мер по сохранению молдавского самосознания и культуры. В их числе было решено создать в Приднестровском университете научно-исследовательскую лабораторию по изучению истории Молдавии и Приднестровья, а также собрать авторский коллектив по написанию учебников по истории Молдавии и Приднестровья, «необходимых для учебного процесса в учебных заведениях региона». Именно на лабораторию возлагалась ответственность за подготовку учебной и учебно-методической литературы для народного образования республики. Она же должна была взять на себя бремя создания полной, объективной и всеобъемлющей картины истории Приднестровья с древнейших времен до наших дней.

Такова была предыстория зарождения приднестровской историографии, отсчет которого можно вести с упомянутого постановления Верховного Совета ПМР от 12 марта 1991 г. Собственно этим документом и ограничиваются усилия властей ПМР по оказанию своего влияния, а тем более какого-либо давления на исторические исследования. В отличие от многих других республик на развалинах распадавшегося Советского Союза здесь никто не навязывал исторической науке официальных доктрин, утвержденных властями постулатов и безапелляционных истин. Более того, подобных «истин» ни у кого не могло и быть, поскольку вся история Приднестровья представлялась сферой достаточно туманной, загадочной и неясной. Даже историки-профессионалы имели в этой области достаточно смутные представления и фрагментарные познания. И на то были свои причины.

Никаких обобщающих трудов по истории данного региона никогда не было, поскольку его государственность определилась лишь в XX веке. Дореволюционная историография России как и украинская, польская, турецкая, румынская историографии специальных работ, посвященных истории лево-

бережья Днестра практически не имели. За полстолетия развития советской исторической науки было издано крайне незначительное количество работ, которые затрагивали различные проблемы истории региона в период существования Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики в составе Украинской ССР с 1924 по 1940 гг. или в период гражданской и Великой Отечественной войны (работы С.Я. Афтенюка, З.М. Ивановой, А.М. Лазарева, А.В. Репиды, К.В. Стратиевского и др.). Было издано тогда же несколько краеведческих работ по истории Тирасполя и армянской колонии Григориополь, а также по социально-экономическим вопросам развития левобережного Приднестровья в XIX в. (работы Ж.А. Ананяна, И.А. Анцупова, Е.И. Дружининой, И.И. Жаркуцкого, В.М. Кабузана и др.).

Приднестровский регион привлекал внимание историков главным образом двумя моментами: 1) когда шел процесс активного освоения и колонизации Новороссии в Северном Причерноморье с конца XVIII в. и Приднестровские земли стали одной из самых густозаселенных частей Российской империи; 2) когда после Октябрьской революции и захвата румынскими войсками Бессарабии на этой части Украины Приднестровье стало для большевиков испытательным полигоном молдавской советской государственности в виде автономии Украинской ССР. Но до 1924 г. молдавской государственности на этих казацких землях не существовало и границы Молдавского княжества никогда восточнее Днестра не простирались. Поэтому молдавские исследователи эпохи феодализма не проявляли интереса к данному региону. Украинские историки также не занимались изучением его истории, но по другой причине, – с 1940 г. Приднестровье стало частью другой союзной республики – Молдавской ССР, а потому было выведено из поля их внимания. Оттого слабая изученность истории Приднестровского региона на момент создания здесь государственности в последнем десятилетии XX века оказалась просто вопиющей. Особенности геополитического положения и этносоциального развития были известны профессионалам лишь в самых общих чертах, а для широких слоев населения, для учителей, студентов,

школьников целые исторические эпохи представляли собою сплошные белые пятна.

Это объективно сложившееся положение было не только ненормальным и нетерпимым, но в большой мере даже удивительным. Ведь Приднестровские земли с незапамятных времен занимали исключительно важное положение на огромных пространствах Евразии, на протяжении веков и тысячелетий представляя собой контактную зону, в которой мирно или враждебно соприкасались между собой самые различные типы человеческих цивилизаций и культур. Суть стратегического местоположения Приднестровских земель определяется их функцией геополитического пограничья мира оседлых земледельцев и кочевников, мира мусульманского и мира христианского, мира православия и католичества, восточнославянской цивилизации и романо-германского мира. Берега Днестра представляют собой один из любопытнейших регионов Европы, где встречаются более древние археологические славянские памятники, чем, например, в Центральной России. На этих берегах оставили свои следы очень многие из существующих ныне или давно исчезнувших народов, – древнегреческие, романские, ираноязычные, тюркские, славянские и др.

Тысячелетия Приднестровье являлось ареной для борьбы различных сил и интересов, пытавшихся утвердить свое господство на этих землях. Проживавшее здесь население, не создавая собственной государственности, являлось объектом политики более сильных держав и жертвою их кровавых конфликтов. Еще во времена Гомера Приднестровье было западной границей воинственного Киммерийского царства, а затем – Скифии и Сарматии. А после переселения из Скандинавии в Северное Причерноморье германских племен в первых веках новой эры Днестр стал границей между варварскими державами остготов и вестготов, разбитых в период гуннского нашествия в эпоху Великого переселения народов.

Во времена славянской колонизации Приднестровские земли становятся пограничьем между двумя мощными союзами славянских племен, – анта-

ми и склавинами. Затем они входят в состав Киевской Руси и, находясь на важном торговом пути «из славян в греки», становятся достаточно густонаселенным и оживленным регионом Древнерусского государства. Многочисленные передвижения кочевых народов из Азии в Европу в начале второго тысячелетия (мазаров, берендеев, печенегов, узов, половцев и проч.) проходили через Приднестровские земли и привели в упадок существовавшую здесь славянскую цивилизацию. После распада Киевской Руси Приднестровье становится ближним зарубежьем мощного восточнославянского Галицко-Волынского княжества.

Монголо-татарское завоевание превратило Приднестровье в часть Подольского улуса Золотой Орды, а затем, после изгнания ордынцев в Крым, Приднестровье становится частью Русско-литовского государства и входит в состав Киевского княжества. Продолжительное соперничество Польского королевства и Великого княжества Литовского закончилось Люблинской унией и северная часть Приднестровья была включена в Речь Посполитую с 1569 г., а южная часть захвачена крымскими татарами и обозначила западные границы Крымского ханства, вассала Османской империи. Так на протяжении многих веков Приднестровье становится точкой соприкосновения мощных враждебных друг другу держав – католической Речи Посполитой, мусульманского Крымского ханства, православного Молдавского княжества, подчинявшегося Оттоманской порте. Одновременно Приднестровье являлось важной территорией для национально-освободительной борьбы казачества и украинского народа.

Бесконечные татарские набеги, казацкие восстания и войны, польско-турецкие войны XVII в. и русско-турецкие войны XVIII в. насыщали жизнь местного населения кровавыми конфликтами и катаклизмами. Одновременно они закаляли его характер. Поскольку помощи было ждать неоткуда, способность к самозащите становится для приднестровцев одним из важнейших условий их выживания. А в конце XVIII в., когда Россия проводит границы с Турцией по Днестру, присоединяет Приднестровские земли к империи и пе-

реселяет татарские орды в Крым, начинается самый длительный мирный и спокойный период в истории региона. На протяжении целого века здесь не велось никаких войн, не было вражеских нашествий и военных конфликтов. С переносом границы с Днестра на Прут Приднестровье перестало быть геополитическим пограничьем и эти земли очень быстро были освоены украинцами, молдаванами, русскими, болгарами, армянами, немцами, евреями и другим этнически разномасштабным населением. Этническая толерантность, веротерпимость и дружелюбие становятся постепенно еще одной отличительной чертой приднестровской социальной общности, чему способствовало совместное проживание, тесные контакты и межнациональные браки. Более двух веков в Приднестровье нет этнического большинства, которое могло бы заявить о своих претензиях на господство в регионе. Основные этнические составляющие приднестровской общности молдаване, украинцы, русские – представлены примерно в равных пропорциях. Поэтому с такой настороженностью и неприятием относятся приднестровцы к попыткам кишиневских властей объявить «бессарабских румын» главными историческими хозяевами этих земель, а всех остальных, – «пришельцам», «оккупантами» и проч.

Присоединение Бессарабии к Румынии в 1918 г. возвращает Днестру его функции геополитического пограничья. В середине 20-х годов XX в., когда на левобережье Днестра сосредоточилось большое количество беженцев из Бессарабии и Румынии, большевики создают на этой части Украины молдавскую государственность несмотря на то, что сами молдаване не составляли в МАССР и трети населения, а украинцы – более половины всех жителей. Это обстоятельство для проникнутых интернациональным духом приднестровцев не имело никакого значения. В течение 16 лет существования молдавской автономии в Приднестровском регионе Украины никаких этнических трений не возникало.

Ликвидация государственности в Приднестровье была связана с вытеснением из Бессарабии румынских властей Красной Армией в июне 1940 г. Через месяц в начале августа 1940 г. молдавская автономия на Украине была

упразднена. Приднестровская часть МАССР вошла вместе с бессарабскими районами, заселенными главным образом, молдаванами, в состав новой союзной республики Молдавской ССР. Это государство успешно просуществовало в рамках Советского Союза 50 лет, вплоть до начала его распада.

Гибель Советского Союза, которой всячески способствовали националистические элиты бывших союзных республик, в том числе и Молдовы, не могла не спровоцировать распада и ряда суверенных республик, которые были созданы искусственно сталинским режимом и существование которых только и мыслилось в рамках СССР. Приход к власти в Молдове националистических сил, объявление этой республики «оккупированной румынской землей» и «незаконным образованием» советского оккупационного режима, рост межэтнической напряженности в Молдове и начало гражданских конфликтов на этой почве, заявление руководства Молдовы о выходе из состава Союза глубоко взволновало население Приднестровья. Возрождение своей утерянной в сталинские времена государственности стало массовой идеей как единственный шанс предотвратить развитие событий по еще худшему сценарию, не исключающему геноцид, тысячи жертв и сотни тысяч беженцев.

Так в 1990 г. после проведенных референдумов народ Приднестровья во второй раз за обозримую историю приступил к созданию и защите своей государственности – ПМР. Причем, поначалу это вовсе не означало обязательного раскола Молдовы, а лишь гарантировало приднестровцам безопасность, свободу, самосохранение, ненасилие в решении спорных вопросов и возникающих конфликтах. Но руководство Молдовы предпочло иной путь. Лишь кровавый ничем не спровоцированный конфликт на Днестре в Дубоссарах и Бендерах 1991–1992 гг. зародил в приднестровцах мысль о полной независимости от враждебного для них государства, а постоянные попытки задушить приднестровскую государственность в тисках различного рода блокад – финансовой, информационной, коммуникационной, экономической и проч. – все более и более убеждает население в правильности выбранного пути на полное и окончательное отделение от соседнего государства. При

этом они уверены, что их выбор должен быть понят и адекватно воспринят окружающим миром. Однако их право на самоопределение является имманентным, а право на создание своей государственности не нуждается в санкционировании Молдовой, Россией, Украиной, Румынией или любой другой страной мира.

Таким образом, многотысячелетняя история Приднестровья, которая после полутора десятилетий кропотливого изучения предстала в своем уникальном и неповторимом виде, включает в себя огромное разнообразие элементов истории очень многих государств и народов на всем своем хронологически обозримом пути. Совершенно бессмысленной и непродуктивной в этих условиях была бы попытка ограничиться лишь географическими или государственными границами современной Приднестровской Молдавской Республики, созданными в XX в. зачастую в силу случайных причин и обстоятельств. При изучении различных периодов истории региона исследователям постоянно приходится выходить за их пределы, обращаясь к истории того или иного государства и народа, без которых комплексная история края была бы не полной да и невозможной.

Это одна из основных особенностей становления приднестровской исторической школы. Исследование истории края в различные эпохи требовало привлечения историков самых разнообразных направлений и специализаций, координации и комплексирования научно-исследовательских работ для решения единой задачи. Историю Приднестровья очень часто определяли изменения внешнеполитического положения и внутривнутриполитические ситуации в таких государствах, как Польша, Венгрия, Османская империя, Киевская Русь, Галицко-Волынское княжество, Речь Посполитая, Молдавское княжество, Российская империя и многие другие страны. Трудно найти специалистов, которые во всем объеме могли бы профессионально описать исторические процессы в данных государствах в связи с создаваемой исторической тканью Приднестровья. Но без этого обойтись было просто невозможно, ибо многие периоды приднестровской истории, особенно в Средние века сплошь

насыщены войнами и конфликтами, разорительными набегами, карательными походами, истребительной борьбой между различными группами населения и враждующими странами. Поэтому научно-исследовательская лаборатория «История Приднестровья» госуниверситета искала и привлекала к работе специалистов самого различного профиля из научных центров как Приднестровья, так и России, Молдовы, Украины.

Еще одна особенность приднестровской историографии связана с трудностями источниковедческого характера. Что касается местных архивохранилищ, то архивная служба в ПМР была создана лишь после создания республики. В отличие от археологов, которым Приднестровье может дать богатые памятники материальной культуры древних людей, исследователи письменного периода истории региона для документального его изучения должны обращаться к архивам и библиотекам Западной и Восточной Европы, Балканских стран, Азии. Молдова также не имеет никаких документов по средневековому периоду истории Приднестровья, поскольку, как уже было сказано, территории восточнее Днестра никогда не входили в состав Молдавского княжества. Почти нет материалов этого плана и в архивах Румынии. В общем-то сложившаяся ситуация определяется объективным положением Приднестровья как геополитического пограничья в этом регионе Европы.

Источники по истории северной части Приднестровья почти исключительно написаны на латинском и польском языках. Они сосредоточены, главным образом, в Польше, и, возможно, в Ватикане. Источники, относящиеся к истории южного Приднестровья представлены в большинстве случаев на татарском, турецком и арабском языках. Для их изучения требуются специалисты редкого профиля, знающие восточную мусульманскую палеографию, умеющие читать и анализировать документы, начертанные османской и арабской вязью. Эти документы находятся в Стамбуле и других центрах, куда доступ исследователям затруднен.

Нельзя не отметить, что многие источники для изучения нашей истории написаны на церковно-славянском, старомолдавском, литовском, армян-

ском, еврейском, белорусском, новогреческом и украинском языках. Даже опубликованные (как правило, в XIX – начале XX вв.), они представляют собою настоящие раритеты, а в первоизданном виде они хранятся в архивах разных стран, куда доступ также не прост. Сведения по Приднестровью имеются в трудах иностранных путешественников, которые написаны на немецком, французском и других европейских языках. Очень малое их количество было переведено на русский, да и те хранятся только в специальных фондах редких книг немногих библиотек крупных столичных научных центров. Следовательно, приднестровская историография фактически начиналась с чистой страницы.

Наша республика просто не располагала кадрами соответствующей подготовки, квалификации и опыта. Их «выращивание» в своей среде заняло бы многие десятилетия. И в этом случае написание всеобъемлющей истории Приднестровья с древнейших времен до наших дней можно было бы ожидать в лучшем случае к середине XXI столетия. Привлечь к работе подготовленных высококвалифицированных специалистов было чрезвычайно затруднительно. Последнее десятилетие XX в. в обстановке распада Советского Союза, гибели всей финансовой системы единой страны и введения национальных валют, в условиях экономического кризиса, блокады, вооруженных действий, было явно неблагоприятным для спокойной кабинетной работы ученых, да и для создания исторических произведений и формирования своей исторической концепции.

К тому же поколению историков, воспитанных на марксистской материалистической школе исторических исследований, было непросто рассматривать историю региона вне формационных рамок. Но история Приднестровья при внимательном изучении давала просто парадоксальные примеры и ситуации, выходившие за все мыслимые теоретические представления. Например, в средние века на сравнительно небольшой территории мы в одном и том же хронологическом отрезке времени встречаем сеньориальную ренту, крепостничество, барщину, оброк в польских владениях и кочевой феода-

лизм в татарской пустыне, в южном Приднестровье, одновременно – и элементы переходного типа так называемого молдавского феодализма, характерного для данников Порты, и особые республиканские отношения у казаков («казацкая вольница»), и другие самые разнообразные формы и типы феодальных отношений.

Поэтому в исторической эволюции Приднестровья представляет немалую сложность выделить четко и ясно формационные эпохи, их степень зрелости и направленность развития в каждый конкретный момент. Являясь ареной для частых войн, Приднестровье не имело возможностей спокойно и «нормально» развиваться в том или ином направлении как окружающие его державы. Внешние, субъективные, зачастую – случайные причины, никак не зависящие от уровня внутреннего развития региона, могли привести в одночасие к кардинальному изменению его положения. Историки вынуждены при этом отказаться от периодизации исторического прошлого на основе эволюции формационной структуры общества. А поскольку на территории региона как правило одновременно существовали различные базовые отношения во всем разнообразии их форм и модификаций, решено было периодизацию уникальной истории Приднестровья основывать на каких-то отдельных выдающихся вехах и событиях, сыгравших значительную роль и изменивших историю общества. Это могли быть мощные миграции населения, смена этносов, цивилизаций и культур, включение края в состав различных государств, военные кампании и т.д.

Хорошо осознавая масштабы как поставленной задачи по изучению истории Приднестровья, так и возникающих объективных и субъективных трудностей по ее реализации, сотрудники созданной в 1991 г. в госуниверситете научно-исследовательской лаборатории «История Приднестровья» (заведующий – Н.В. Бабилунга, ведущий научный сотрудник – Б.Г. Бомешко, главный научный сотрудник – В.Я. Гросул) взялись за разработку концепции и стратегии подготовки фундаментального труда «История Приднестровской Молдавской Республики». Написание этого трехтомника стало как бы основ-

ной сверхзадачей при выполнении многих других исследовательских проектов, объединяя как опытных, высококвалифицированных специалистов по различным проблемам и периодам истории Юго-Восточной Европы – археологов, медиевистов, исследователей отечественной и всеобщей истории, так и начинающих исследователей, краеведов, нумизматов, любителей истории, даже студентов.

Все функции по организации исследований и координации усилий специалистов осуществлялись из единого центра – НИЛ «История Приднестровья». При этом создание всевозможных работ по истории Молдавии и Приднестровья всегда учитывало интересы выполнения главного многотомного труда и ориентировалось на решение одной из задач его написания. Издавалась ли при этом серия учебных брошюр «Курс лекций по истории Молдавии», или сборник документов «Бессарабский вопрос и образование Приднестровской Молдавской Республики», или мемориальный справочник «Книга Памяти защитников Приднестровья», или брошюры «Бендеры – расстрелянные, непокоренные», «Дубоссары – кровоточащая рана Приднестровья», «Приднестровский конфликт: исторические, демографические, политологические аспекты» и др., или коллективная монография «Феномен Приднестровья», или издавались многие иные работы, – в каждой из них рассматривались те или другие вопросы истории Приднестровья, которые объединялись в общую картину, дававшую наглядное представление о реальной истории края и его сегодняшних проблемах.

Особую роль в становлении приднестровской историографии сыграл издаваемый лабораторией с 1987 г. журнал «Ежегодный исторический альманах Приднестровья». Задуманный как достаточно демократичный и в то же время глубоко научный издательский проект, альманах очень быстро наш свое заинтересованное читателя и приобрел широкую популярность в республике и известность далеко за его пределами. На его страницах можно встретить как рафинированные научные изыскания известных ученых, академиков Москвы, Кишинева и других центров, так и материалы усердных

поисков краеведов, музейных сотрудников, архивистов, студенческие и даже школьные работы по изучению родного края.

Хорошие результаты приносили международные конференции, первая из которых – «Приднестровье: прошлое, настоящее, будущее» была организована лабораторией в Тирасполе в 1992 г. вскоре после окончания военных действий. Приезжавшие исследователи щедро и охотно делились своими познаниями в области истории Приднестровья и окружающих его государств, в различные периоды, включались в работу по освещению разнообразных вопросов истории края или их изучению нередко приднестровские историки вместе со специалистами из России, Молдовы, Гагаузии, США и других стран и регионов включались в выполнение различных исследовательских проектов по социологии, конфликтологии, политологии, этнологии и др.

Представительные конференции и симпозиумы, объединяющие интеллектуальные силы ученых различных областей в познании исторических и современных проблем Приднестровского региона, проводятся у нас ежегодно по несколько раз. Довольно частыми являются и выезды наших специалистов на научные форумы различного уровня в ближнем и дальнем зарубежье. Показательными являются и попытки миссии ОБСЕ в Молдове установить взаимопонимание между представителями молодой приднестровской историографии и кишиневским румынофильским направлением историографии Молдовы.

Не имея, к сожалению, возможности более подробно рассмотреть успехи и проблемы современной развивающейся исторической школы Приднестровья на конкретных примерах, нельзя не отметить тот уровень, на который она вышла в результате своего десятилетнего становления к началу XXI в. В 2000–2001 гг. в ПМР было издано трехтомное исследование, выполненное в НИЛ «История Приднестровья», «История Приднестровской Молдавской Республики», в создании которой приняло участие несколько десятков исследователей из Приднестровья, России, Молдовы, Украины. В первом томе освещен период с древнейших времен, появления на берегах Днестра пер-

вых людей и становления первобытнообщинных отношений, появления классов и государств, включения Приднестровья в состав Киевской Руси, Галицко-Волынского княжества, Золотой Орды, Великого княжества Литовского и Русского, Польского королевства, Речи Посполитой, Крымского ханства, Российской империи, до февральской революции и нападения монархии в России. Во втором томе представлена советская эпоха от образования первых советов в крае, гражданской войны, создании молдавской государственности на левобережье Днестра в составе Украинской ССР, оккупации края в годы Великой Отечественной войны и превращения румынскими фашистами губернаторства Транснистрия в территорию массовых казней и геноцида, послевоенной истории Приднестровских земель в составе Молдавской ССР до распада Советского Союза и раскола Молдавии в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. Наконец, последний том описывает драматические события, связанные с восстановлением государственности в Приднестровье, образованием ПМР, ее героической защите приднестровцами от внешней агрессии, многотрудные будни современного периода истории Приднестровья, его экономическое положение, социальное, политическое и культурное развитие.

Выход в свет данного издания стал настоящим событием общественно-политической и культурной жизни республики, важной вехой на пути становления собственной историографии и формирования исторической школы непризнанного пока государства. На основе данного труда была разработана концепция исторического образования в республике, созданы школьные учебники по истории родного края, осуществляется подготовка необходимой учебно-методической и вспомогательной литературы. В настоящее время во всех средних и высших учебных заведениях ПМР история Приднестровья изучается в качестве обязательного предмета. Кроме этого, в молдавских школах Приднестровья предусмотрено изучение истории Молдавии, а в школах с украинским языком обучения – история Украины.

Учитывая, что в Республике Молдова молдавская история не преподается, а изучается сомнительный в научном отношении курс «История румын»,

мы можем констатировать, что в настоящее время ПМР является на Земле единственным государством, в котором дети в обязательном порядке познают историю своего родного края Приднестровья и историю Молдавии. Трудно прогнозировать дальнейшее развитие Молдовы в качестве самостоятельного государства или в качестве румынской провинции. Но у нас есть все основания полагать, что в непризнанном государстве сложилась признанная историография. А потому есть и надежда, что эта историография поможет рано или поздно признанию нашего государства политиками и народами.